

The book cover features a dark grey background with a large, textured blue triangle pointing downwards. A hand is shown at the top, holding the top edge of the triangle. The background is decorated with white line-art illustrations of a church with onion domes, a bird perched on a branch, and various leafy plants. The author's name is printed in white, sans-serif font above the triangle.

Игумен
Нектарий (Морозов)

ПРОСТАЯ
ТАЙНА

Заметки о современном христианстве

игумен Нектарий Морозов

Простая тайна. Заметки о современном христианстве

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53826927

Простая тайна. Заметки о современном христианстве. / Нектарий

(Морозов), игум.: Традиция; Москва; 2019

ISBN 978-5-00152-031-3

Аннотация

Книга игумена Нектария (Морозова) «Простая тайна» – своего рода дневник священника. Сборник очень личных и оттого особенно пронзительных наблюдений пастыря за происходящим в мире, в Церкви, но – прежде всего – в себе самом. Добрый юмор и сердечная боль, радость и переживания, всматривание в образ Божий в человеке, череда лиц, характеров, судеб, и над всем – Господь. И искренняя вера в то, что Бог есть любовь, и потому оно, христианство, радостное.

Содержание

От издательства	5
Глава 1	9
Слезы, мир, отчаяние и надежда...	9
День откровения Божественной любви	14
Простая тайна	18
О чем говорить с бабушкой, как и когда?	26
Сети «правил», «разрешений» и «запретов»	35
За искушение паче, нежели за утешение	41
Опыт последнего напутствия	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Игумен Нектарий
(Морозов)**

**Простая тайна. Заметки о
современном христианстве**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Рус-
ской Православной Церкви

ИС Р19-914-0533

© Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2019

От издательства

К сборникам в жанре «заметки священника» на полках церковных книжных магазинов многие относятся с интересом. И потому, что это практически всегда истории о людях – лаконичные, неожиданные, серьезные и курьезные. В них фигурирует великое множество случайных и неслучайных второстепенных героев: прихожан и «захожан», попутчиков и таксистов, монастырских котов и бездомных граждан. Такова уж стезя равнодушного батюшки – со всем одушевленным миром вступать в вольное или невольное общение. И потому еще, что многие из таких книг можно читать как истории преодоления, сравниться с которыми могут лишь мемуары спортсменов, вернувшихся на спортивную арену после тяжелейших травм. Откуда такая аналогия? Да оттуда, что любой священник сегодня – строящий или восстанавливающий храм где-нибудь в провинции, внимательно относящийся к нуждам людей, добросовестно исполняющий свои настоятельские обязанности – мало чем отличается от тяжелоатлета на помосте, не имеющего права унывать от того, что на его плечах – ноша, многократно превосходящая его собственный вес. Любопытство, побуждающее пролистнуть страницы такого издания, вызвано и тем, что чувства, переживания, глубокие мысли священника обычно сокрыты от внешнего взора, и есть то, о чем бы мы никогда, наверное,

не узнали, если бы не публикация таких заметок, размышлений, порой напоминающих страницы из дневника.

Эта книга – не совсем дневник. Скорее – сборник эссе, хотя и очень личных. Большинство из них было опубликовано на страницах порталов «Православие. ги», «Православие и мир», «Православие и современность». С их автором – игуменом Нектарием (Морозовым) – читатели этих сайтов знакомы в совокупности более десяти лет. А еще раньше – до монашеского пострига – он работал журналистом в «Аргументах и фактах» и «Общей газете». В его материалах и сейчас угадываются черты яркой, драматичной, честной журналистики начала 90-х. Горячность, стремление к чистоте, справедливости сказанного проходят сквозь призму восприятия человека духовной жизни, имеющего большой опыт познания того, что Господь хочет милости, а не жертвы (см. Мф. 9,13) и что любое сказанное слово нужно обращать прежде всего внутрь, к самому себе.

Слова, обращенные внутрь... Они в этой книге очень о разном – такова сегодняшняя жизнь автора, что слово в ней рождается не как заранее обдуманная проповедь, не как запланированные литературные «размышления на тему», а как мгновенная сердечная реакция человека, дни которого и без того нагружены до самого верха. Реакция на то, мимо чего нельзя пройти, что нельзя оставить без внимания вокруг себя или в себе самом.

Жизнь пастыря, монаха, публициста – каждая из этих

трех граней единого авторского бытия рождает свой особенный круг размышлений, представленный в книге в виде отдельной главы. И если из первой части сборника мы узнаем в большей степени о том, от чего устает и чему радуется священник, какими переживаниями отзывается в нем богослужение, какие порой случаются диалоги с приходящими в храм людьми, то во второй – переносимся в полунощную келейную тишину, где нет уже ни разговоров, ни дневных впечатлений, а есть лишь присутствие Божие и возможность глубоко и с болью всмотреться в самого себя. Ну а в третьей, напоследок, просто проходим с автором дорогами обыденной жизни – редакционные планерки, экзамены в семинарии, книжный магазин, метро – и вместе с ним встречаемся на этих путях с тем, что он отмечает в своих записях как наблюдательный журналист.

В книге немало доброго юмора, самоиронии; ее эпизодические персонажи и события – вроде подвыпившего пассажира, искренне считающего, что нужно его терпеть, а лучше любить, или не обошедшегося без курьеза похода брата в супермаркет – запоминаются и ободряют душу. Собственно они, наверное, и позволяют как-то пережить, не сойдя с дистанции, духовное напряжение этой книги. Казалось бы, почему? Наверное, потому, что одно естественным образом дополняет другое – и во всем вместе ощущается на этих страницах вкус живой жизни, наполненной теплом и светом Христовым. В этом и есть, вероятно, некая разгадка того,

почему священник, сталкивающийся день за днем со всем тем, что есть в жизни драматичного, по-настоящему тяжелого, порой до крайности неприглядного, приходящий ко все большему и большему познанию всесторонней и всеобъемлющей немощи человеческой, с тихой внутренней улыбкой пишет о христианстве: «А оно – радостное...»

Елена Санаева

Глава 1

От чего устает священник – и чему радуется?

Слезы, мир, отчаяние и надежда...

Прошел пост. Остались позади шесть его седмиц, и началась Страстная. Так быстро прошел... И опять то же чувство: ничего не успел. Не то что сделать – даже начала положить. Чему? Да тому же посту, воздержанию, исправлению себя. А главное – покаянию. Так быстро промелькнули эти святые дни. Или сам так быстро промелькнул – мимо них. Прочитан Великий канон. И не однажды – дважды. И житие преподобной Марии снова прозвучало в храме, уже такое знакомое – до последней, кажется, буквы. И не сокрушилось сердце, не умилилась по-настоящему душа, и не оставляет чувство какой-то горькой незавершенности, неполноты, неисполнения...

Но есть еще один день. Я жду его весь год и каждый раз боюсь из-за чего-то пропустить, лишиться его, не встретить его в храме. Великая Среда. Почему? Наверное, потому, что не знаю, где еще найти такое точное выражение отношения кающейся души ко Христу, как в стихирах сегодняшнего бо-

гослужения. Я жду его, прекрасно помню и... каждый раз переживаю, словно впервые. Жена блудница, «отчаянная жителя ради и уведомая нрава ради», молит: «приими мя, кающуюся, юже не отринул еси согрешающую»¹.

¹ Стихира на стиховне утрени Великой Среды.

Здесь и правда все – какая-то тончайшая грань между отчаянием и надеждой, невыносимой душевной болью и радостью об открывшейся милости и любви Христовой, потрясающий переход от бездны греха к свету добродетели. Переход, который возможен лишь тогда, когда протягивает руку Господь и поднимает с колен того, кто не считал себя достойным когда-либо подняться с них.

Стоишь в храме, слышишь торжественную и скорбную музыку песнопений и точно видишь, как все это происходит... Как приходит она – трепещущая от страха отвержения и вместе с тем верящая, что отвергнута не будет. Она, вся в грязи и скверне греха, – к Тому, Кто Сам есть Источник чистоты. Сткляница с миром в руках, слезы, застилающие глаза, недоуменные, осуждающие, гневные взоры, обращенные на нее, в которых, кажется, так и читается: «Как смела ты прийти сюда?! Ты!..» И только один взор наполнен любовью и состраданием, такой любовью и таким состраданием, на какие никто не способен, даже самый лучший человек на земле. Мог ли кто-то из тех, кто был еще в этой горнице или встретил ее на пути к ней, понять, что творилось тогда в ее душе, уразуметь, что происходило в те мгновения между ней и Христом?

Какое страдание жило в ее сердце, наполняло его, билось в нем? Как велико оно было, что заставило забыть и стыд, и страх? Как сообщилась этому порочному и страстному сердцу истина, которой не вмещали до конца и праведники: что

нет такого греха и беззакония, которые навсегда отторгли бы человека от Бога, что нет ничего, что могло бы лишить его Божией любви, что Тот, к Кому шла она, купив миро, и есть Бог? Не пошла бы она к человеку, не понадеялась бы на человека, не поверила бы ему... Тайна.

Хочешь вникнуть в нее, постигнуть хотя бы отчасти... А потом забываешь, что ты и кто ты. И кажется, что это ты вошел в ту горницу, это в твоих подрагивающих руках благоухающий сосуд, это на тебя обращены со всех сторон осуждающие и гневные взгляды, каждый из которых опалает тебя, будто печатлеет клеймом приговора. И отступило прочь все земное, не осталось ничего – никаких оправданий, никаких «преград» и «защит». Ты видишь себя таким, каким не видел прежде никогда, и понимаешь всем существом своим: нет в тебе того, что достойно было бы милости и любви, нет добродетели, нет ни единой заслуги, нет доброго вообще ничего. Лишь «мрачное и безлунное рачение греха»... И замираешь от этих неожиданно уже на тебя обрушившихся боли и страха. И одно только желание тобою владеет: пасть к ногам Того, Кто, как ты веришь, уповаешь паче всякого упования, не отвергнет, и омыwać их слезами, и просить о прощении – за все. За все, в чем прежде даже и не подозревал своей вины.

И не важно совершенно, кто еще видит тебя в этот момент, кто гадает, что происходит с тобой. Важно только то, что между тобою и Христом, как тогда, две тысячи лет тому

назад – между нею и Им, и как бесчисленное, никому, кроме Него, не ведомое множество раз еще – за эти же две тысячи лет.

Покаяние... Это когда ты уже на суде. И уже осужден. И открылась бездна, готовая принять тебя. А ты... Ты просишь о милости, на которую абсолютно не вправе надеяться. И не надеешься.

Ты просто ощущаешь ее всем своим существом.

День откровения Божественной любви

Страстная седмица... Совершенно особые семь дней – самые насыщенные и напряженные из всего церковного года. Дни, когда произошли самые важные события в истории человечества. Дни, когда произошли события самые поразительные. И самые страшные.

И среди дней этих особняком – Великий Пяток. Память о том, до чего может дойти человек, захотевший стать властителем своего бытия, в безумной и бессмысленной борьбе против Бога. Память о безмерной цене нашего искупления. Память... Нет – откровение превосходящей любую меру и любое понимание Божественной любви.

Бог есть любовь (Ин. 4,8)... Это самые прекрасные, самые вдохновляющие слова, которые когда-либо звучали или были записаны на бумаге. Не тиран, не преследователь, карающий за все совершенные нами когда-то проступки, прегрешения и даже преступления, а Любовь. Но что же такое эта Любовь в своем существе? Какая она, как ее увидеть, узнать, ощутить?

Быть может, это те мгновения, когда мы радуемся и ликуем, словно дети, когда каждое мгновение переживается как некий дивный дар? Когда сбываются наши самые сокровенные желания и мечты? Или наоборот, когда мы, достигнув

самого дна бездны отчаяния, вдруг избавляемся от беды, болезни, скорби – нечаянно, совершенно неожиданно?

Да, и в эти мгновения тоже, но только отчасти, в какой-то очень малой, ограниченной способностями нашего восприятия мере. Ограниченной нашим легкомыслием, нашей занятостью текущим моментом и самими собой.

А когда еще? А еще... когда мы приходим в храм в Страстной Пяток и замираем вдруг перед Распятием, точно увидели его впервые. Замираем, потому что потрясает до глубины души то, что прежде едва скользило по самой поверхности сознания. Этот Крест... Этот терновый венец на главе... Эти капли крови... Эти руки и ноги, пронзенные гвоздями... Все это – самое потрясающее, самое полное и самое ясное откровение того, что есть Божия любовь, ее свидетельство, ее явление.

Нет единого ответа на вопрос, почему Господь избрал именно такой путь нашего спасения, да и кто мы, чтобы требовать этого ответа, откуда у нас на него право? Но мне самому все же особенно близка мысль о том, что Господь желал показать нам: нет ничего, на что Он не был бы готов ради нас пойти, какое бы это ни было уничтожение, какое бы это ни было страдание, какая бы это ни была боль.

Чтобы мы поверили, что действительно так бесконечно дороги Ему. Чтобы поняли, что никого у нас нет ближе. Чтобы не отчаивались и не унывали, когда наши грехи делают нас противными даже самим себе. Ему мы никогда не про-

тивны, даже когда противимся, потому что именно о противящихся и больше того – распинавших – звучали слова со Креста: «Отче, прости их, не ведают, что творят» (см. Лк. 23,34). И руки, на Кресте простерты, не что иное, как объятия, всему миру открытые, – не избранным, а каждому человеку в нем.

Мы жестокосердны и хуже того – равнодушны. Наши души становятся пустыми и бесплодными от наших грехов. Мы чувствуем холод и враждебность окружающего мира, который делаем таким сами. И нам не спастись, если наше столь же холодное и враждебное сердце не согреет любовь. Такая, какой не найти человеку у человека, такая, в истинности которой мы не усомнимся, такая, которая никогда не прекратится, что бы мы для этого ни делали, ни творили. Такая, Которую мы видим распятой на Кресте.

Все в этот день – Великий Пяток – направлено к тому, чтобы нас пробудить и оживить. К тому, чтобы мы поняли, наконец, хоть отчасти, что же произошло тогда, на Голгофе и прежде нее. К тому, чтобы ужаснулись, осознав, что это все было не только ради нас, но и по нашей вине. К тому, чтобы устыдились – от того, как живем, будучи приобретены, искуплены такой немислимой ценой.

В чем заключается наше спасение? В том, чтобы ощутить Божественную любовь и откликнуться на нее. А откликнувшись, пойти за ней туда, куда она поведет, дать сотворить с нами то, что будет ей благоугодно, довериться всецело и до

конца.

Довериться... Именно это труднее всего. Мы точно боимся, что у нас будет отнято что-то очень важное, очень нужное, без чего не прожить. Боимся, что Господь лишит нас чего-то бесконечно нам дорогого. И не доверяемся. Боремся. Сопровивляемся. Буквально вырываемся из Его рук.

А Он... А Он для того, чтобы преподать нам пример доверия, помочь преодолеть этот глупый детский страх, совершает все то, о чем вспоминаем мы в Страстной Пяток. Творец передает Себя в руки твари. Бог отдает Себя человеку. Доверяется ему, позволяя делать все, что тому будет угодно. Он, Всемогущий, создавший все единым мановением воли Своей, становится совершенно беззащитным, уязвимым. Что делает Его таким? Только любовь.

И именно она, только она может побудить решиться на такую же беззащитность и уязвимость нас. Может убедить довериться Ему, не страшась ничего, не трепеща ежеминутно от мысли о том, к чему это приведет. Может упразднить наше сопротивление, нашу нелепую и гибельную борьбу с Ним и тем самым спасти.

И спасает. И Великий Пяток – ее откровение, страшное и потрясающее, погружающее в невыносимую скорбь и претворяющее ее в невыносимую же радость.

Простая тайна

«Как мне узнать волю Божию?» – с таким или похожим вопросом к каждому священнику люди подходят регулярно.

С этим же вопросом они едут «по старцам» в надежде на их прозорливость. Над его разрешением бьются, словно над диковинным ребусом, не подозревая даже, насколько прост ответ или, точнее, путь к ответу...

«Вредное» Евангелие

– Я очень часто путаюсь, не зная, как поступить, чем руководствоваться! – жалуется в разговоре со мной умная, интеллигентная, верующая женщина.

– А чего вы хотите? – спрашиваю я. – Не повредить своим интересам, не допустить ошибки, действовать максимально рационально? Или же вас беспокоит возможность согрешить, пойти против воли Божией?

Моя собеседница задумывается. Возможно, что изначально ее интересовало больше первое. Но как-то неудобно христианке признаться, что благополучное течение дел для нее важнее, чем Сам Господь, – тем более в беседе со священником. Да и здравый смысл (с религиозной точки зрения здравый) подсказывает: исполнение воли Божией и есть основа нашего земного благополучия в широком смысле этого сло-

ва. Потому как Бог есть основа всего, в том числе и всего нашего бытия – с тем, что оно собою объемлет.

– Конечно, я боюсь не исполнить волю Божию, боюсь не угадать ее, – говорит она по размышлении. – Но как быть? Ведь обмануться так легко.

Мой ответ о том, что секрет немудрен и волю Божию надо искать в Евангелии, ее разочаровывает.

– Это для нашего времени уже не совсем актуально, – с досадой говорит она. – Есть масса ситуаций, которые в Евангелии не разобраны. И, кроме того, поступать по-евангельски возможно не всегда, иногда это бывает просто вредно!

...Невольно вспоминается эпизод из жития преподобного Исаака Сирина. К нему в бытность его епископом Ниневийским пришли некие люди, о чем-то спорившие, и потребовали его суда. Святой архипастырь привел им свидетельство Писания.

– Да что ты все со своим Евангелием! – раздраженно воскликнул один из спорщиков...

Итак, все снова возвращается к изначальному выбору: о чем речь – о том, чтобы узнать, как поступить правильно, или же понять, как поступить по-христиански? Если весь вопрос в «правильности» земной, то я не уверен, точно ли по адресу он, если обращен к священнику. Мы ведь далеко не во всех вопросах специалисты, нам бы в своей «профессиональной» духовной области разобраться...

Книга откровения воли Божией

Если же человек ищет, как ему исполнить волю своего Создателя – Господа Неба и земли, в руке Которого все сотворенное, видимое и невидимое, и Который един имеет подлинную, неограниченную власть, то и правда: источника познания этой воли, который мог бы успешно конкурировать с Евангелием, ему не найти.

Безусловно, мы очень часто, погрузившись в суету, которой наполнена наша повседневная жизнь, помрачаемся ею. И потому, столкнувшись с очередной затруднительной для нас ситуацией, теряемся вначале в догадках: ну и как из нее выбираться? Особенно приходится ломать голову, когда куда ни кинь, всюду клин, когда, как ни поступи, все неладно выходит. Но не надо на самом деле ничего ломать. Просто «вынырнуть» из этой ситуации, от земли чуть поотстать, к Богу сердцем обратиться и сказать: «Господи, главное – знать мне, чего Ты от меня сейчас хочешь и ждешь, а остальное – важно ли оно?» И если начитаны мы в Евангелии, если свежо оно в памяти нашей, то вспомним слово Спасителя, приличествующее данному случаю, и сразу делается легче и ясней на сердце. А коли еще и исполним это слово, то совсем хорошо станет. Ну а ежели не начитаны или в забвение прочитанное стало приходить, то что мешает читать – день за днем, по одной, по две главы? Ведь другого столь совер-

шенного способа обрести свет во тьме греховной лежащего во зле мира нет...

Можно с некоторой натяжкой, конечно, сказать, что «не все ситуации в Евангелии разобраны»: не все профессиональные проблемы, не все политические нюансы, не все личные конфликты... Но и из того, что «разобрано», разве не ясен дух той жизни, к которой мы призваны? Дух кротости, смирения и любви и вместе с тем – дух мужества, терпения и отваги.

Навык послушания Богу

Бывают, вне всякого сомнения, и случаи, когда разобраться вправду трудно. И не только потому, что наши собственные страсти мешают разглядеть истину, оправдывают грех, порочат праведность. Иногда предлежит на выбор два блага, и никак не разберешься, которое большее. Либо – два зла, и непонятно, какое из них худшее. Например, надо открыть чей-то проступок, чтобы совершивший его еще большего зла никому не причинил. Но и жалко его, потому как может пострадать сообразно своей вине, а справится ли он, способен ли будет это понести, неизвестно. Или на работе появился начальник-тиран, от которого никому житья нет. И опыт подсказывает, что делать, чтобы добиться его снятия, перевода, а в то же время нехорошо это... С другой же стороны, если пожалеешь его, он еще столько всего наворочает!

Вот и мучаешься, вот и не знаешь, что чему предпочесть. И как же тут быть?

Есть одна маленькая, но очень важная тайна, которая объясняет как. Важная и вместе с тем простая, удивительно логичная: если человек в том, в чем воля Божия совершенно очевидна, не пренебрегает ею, а исполняет ее, то Господь подскажет ему в трудной ситуации, как поступить, откроет это так или иначе – способов у Него много.

Сердце человека, живущего по Евангелию или хотя бы просто стремящегося к тому, чтобы так жить, постепенно приобретает опыт, научается различать влекущее долу и возводящее горе – то, что по злоухищрениям диавольским поначалу часто перепутывается в нашей душе. И благодать подает такому последователю Своему Господь – ту, что просвещает его внутренние очи.

Ну а если даже не думает о Боге человек и «вдруг» вспоминает о Нем, когда есть нужда, то, конечно, застает его эта нужда впотьмах, так что ни пути не видать, ни самого себя не разглядеть толком.

Впрочем, и из потемок все равно нужно выбираться, и можно выбраться к солнцу. Через отрезвление, через покаяние и поучение в законе Господнем. И еще через молитву. Да и в любом случае, даже когда все кажется ясным, как без молитвы обойтись? Без нее все так нетвердо, потому как на нашей самости человеческой зиждется, и рано или поздно это даст себя знать. Обязательно нужно молиться. Как? Как

лично нам ближе и сподручней.

*Свт. Вукол, еп. Смирнский, и прп. Варсофоний Великий.
Миниатюра из греко-грузинской рукописи XV в.*

Но, наверное, особенно хорошо, когда после исполненно-

го уже обычного правила, а еще лучше после специально на это время правила избранного, мы обращаемся к Богу: «Вразуми меня, Господи, как поступить, чтобы не свою волю, человеческую, исполнить, а Твою, Божественную». Или – другими похожими словами.

Преподобный Варсонофий Великий советовал молиться так, испрашивая у Бога вразумления, в течение трех дней. А когда такой возможности нет, хотя бы трижды, по примеру Спасителя, трижды произнесшего: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26,39). Преподобный же авва Дорофей говорил, что, когда и на такую молитву времени не представляется, надо, по крайней мере, возвести свой ум к Богу, ибо что есть быстрее ума? Главное во всем этом – желание быть послушником своего Божественного Учителя, верным Его учеником. И тогда даже ошибка, как утешает тот же авва Дорофей, уже не будет столь погрешительна, сколь могла бы быть.

Скажи мне, Господи, путь...

Но, пожалуй, особо стоит сказать о случаях, когда все не ограничивается решением сиюминутным, относящимся к какому-то одному определенному делу. Перед каждым из нас рано или поздно встает необходимость выбора жизненного пути. И выбор этот далеко не всегда прост. Иногда человек знает, чего хочет он, но не уверен, что того же желает

Господь. Иногда не понимает ясно, чего хочет сам, и колеблется, склоняясь то к одному, то к другому решению. Порой же вообще не представляет, кем ему в этой жизни быть и чем заниматься. И остается лишь испытывать далее свое сердце, смотря на то, к чему оно более стремится, и молиться Богу, повторяя, подобно Псалмопевцу: *Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Пс. 142, 8).

Но если и обычно молитва должна быть не формальной, а от сердца идущей, чтобы откликнулся на нее Господь, то здесь – тем более. И такой ее может сделать осознание: мы молимся, всецело доверяясь Богу, как бы «позволяя» Ему сделать с нами все, что будет Ему угодно, даже если это окажется совсем не то, чего хотели бы мы. Если есть такое доверие и предание себя Богу, то ответ придет обязательно, как говорит пророк Давид уже в другом псалме: *Открой ко Господу путь твой, и уповай на Него, и Той сотворит: и изведет, яко свет, правду твою и судьбу твою, яко полудне* (Пс. 36, 5–6).

Изведет... И откроет нам Свою волю, как заблагорассудится Ему: или сердце известит и уверенности исполнит, или через людей направит, или обстоятельства жизни все подскажут сами. Но в любом случае откроет так, что не заметишь не сможем. Главное опять-таки одно: только бы и вправду исполнить захотели и решились. Ведь нет большей радости и счастья, чем эту, столь подчас трудную и даже неожиданную, волю исполнять.

О чем говорить с батюшкой, как и когда?

Онлайн или все-таки лично?

Одним из разделов, присутствующих едва ли не на всех более или менее крупных православных интернет-порталах, является раздел со стандартным, как правило, названием: «Вопросы священнику». И он же – один из самых востребованных, о чем свидетельствует как статистика посещений, так и количество поступающих на электронные почтовые ящики этих порталов вопросов. Огромную популярность приобрел за сравнительно короткое время проект «ВКонтакте» с чудным названием «Батюшка онлайн», о котором писали в свое время многие СМИ.

В чем же причина этой востребованности, в чем секрет популярности? И почему вопросы так похожи друг на друга, так часто повторяются и львиная доля их требует не просто ответа, а пастырского совета, наставления, утешения? Неужели только в интернете и можно пообщаться со священником, неужели большая часть батюшек и правда чаще находится в Сети, «онлайн», чем в храме, на приходе, там, где с ними можно было бы побеседовать вживую, а не на «уда-

ленном доступе»? Если так, то кто же тогда служит в этих храмах, кто исповедует, причащает, венчает, крестит, отпевает? Не те же ли самые батюшки? Вроде бы они же... Что же тогда получается? На службу, на требы приходят одни люди, а вопросы в Сети задают другие, которые в храм даже и не заходят? Бывает, конечно, и так, однако те же вопросы свидетельствуют: подавляющее большинство их авторов в храме, как минимум, бывают.

Странная какая-то ситуация, парадоксальная... Приходит человек на службу, исповедует, причащается, целует крест, уходит и... Включает дома компьютер и пишет письмо священнику из другого города, которого никогда не встречал и даже фотокарточки, возможно, не видел. Или – заходит в храм, ставит свечи, молится, проходит мимо встретившегося ему настоятеля, выходит на улицу и далее – то же самое. Странно, правда?..

А происходит так по большей части оттого, что человек, имеющий к священнику немало вопросов, не знает толком, как к нему подойти, не говоря уже о том, как эти вопросы задать, – и не потому, что это особенно трудно, а просто навыка нет, не по себе как-то или опыт какой неудачный был. Однако все это вполне преодолимые препятствия. Я бы даже так сказал: нуждающиеся в преодолении. Остро.

Проблема доступа

Церковная жизнь без полноценного общения со священником вряд ли может вообще должным образом состояться. Человек приходит в Церковь, практически ничего не зная о ней. Книжки, тот же интернет, средства массовой информации, безусловно, могут оказать ему какую-то помощь, что-то прояснить, но живого собеседника не заменят. Тем паче не заменят они пастыря, имеющего определенный жизненный и духовный опыт, способного увидеть, кто стоит перед ним и какое слово, какое участие и совет ему потребны.

Распространенная – в частности, в интернете – точка зрения такова: батюшкам чаще всего некогда, о чем они коротко скажут, сквозь зубы, на бегу, поэтому рассчитывать на их внимание особенно не приходится. И вообще не очень им интересно с разными «захожанами» общаться, да и с прихожанами тоже... Зато им очень нравится сидеть дома и иногда до поздней ночи, а иногда с раннего утра стучать по клавиатуре компьютера, отвечая очередному вопрошающему. В этом, видимо, корысть какая-то есть, заинтересованность. Вот, правда, какая, не совсем понятно. В Сети на вопросы отвечать – это ведь не иномарку дорогую освятить, не пару состоятельную повенчать – дохода никакого!

Шутки шутками, а на самом деле священников, неравнодушных к тем, кого посылает к ним за помощью и назида-

нием Господь, совсем не так мало, как кажется. И найти их самих и «доступ» к ним не так уж и сложно. Не исключено, что в некоторых особенно больших приходах стоило бы даже специальную инструкцию разместить: как это лучше сделать. Ну а пока этого нет, попробуем здесь что-то похожее на эту самую инструкцию изложить.

Время и темы

Для людей, еще не очень хорошо знакомых с церковной жизнью, необходимо сразу сделать следующее разъяснение: чтобы поговорить со священником, надо предварительно разобраться, как, где и в какое время его найти.

Существенную помощь в этом плане может оказать ви-сящее у входа в любой храм расписание богослужений. Со-вершенно естественно предположить, что когда есть в храме служба, есть там и священник, а во время между службами он может находиться на требах или быть занят какими-то иными делами. Так же естественно предположить и то, что непосредственно во время службы пообщаться не получит-ся, потому что священник будет занят. И перед службой бу-дет не очень удобно, потому что он может подойти незадолго до ее начала. А вот сразу после – вполне возможно.

Но можно поступить и еще проще: подойти к продавцу за свечным ящиком и вместо того, чтобы задавать ему во-просы обо всем – и о Церкви, и о жизни (как нередко бы-

вает), – спросить только об одном: когда можно прийти для того, чтобы побеседовать со священником на интересующие темы.

Темы... С этим на самом деле тоже надо бы определиться, причем данное замечание касается уже не только людей, делающих в Церкви первые шаги, но и тех, кто находится в ней далеко не первый день. О чем уместно говорить с батюшкой и о чем не очень? Вполне уместно и даже необходимо – о том, что такое христианство как таковое и как жить по-христиански в нашу столь непростую эпоху, что такое церковная жизнь и как ее начать, как правильно молиться, исповедоваться, причащаться, что читать, как учиться бороться со страстями, чем руководствоваться в той или иной ситуации, связанной с нравственным выбором. И еще о многих подобных вещах. А вот о чем не очень уместно или даже неуместно совсем, так это о вопросах бытового, материально-технического или правового характера: стоит ли менять машину, продавать квартиру, как отсудить захваченную соседом по даче часть участка, положить ли деньги в банк, вложить их в недвижимость или просто перевести в валюту. И так далее.

За такими советами, как ни странно, к духовенству обращаются совсем нередко, не учитывая почему-то при этом, что далеко не каждый священник способен совмещать в себе разом экономиста, юриста и специалиста по разрешению кризисных ситуаций. Хотя стоит признать, что подчас и приходится совмещать: мало ли в наше и правда совсем непро-

стое время людей, которых никто и нигде больше не выслушает, кроме батюшки в церкви, и никто больше не поможет. Куда тут деваться... Но лучше бы все же без непрофильных вопросов. Впрочем, бывает, разумеется, и так, что человек хочет по житейскому вопросу не совета попросить, а благословения и молитв, и это совершенно естественно.

Терпение вкупе с милосердием

По мере того как человек начинает узнавать церковную жизнь, ему становятся понятны те ситуации, за которые прежде он мог обижаться на священников, куда-то спешивших. Прежде всего потому, что он постепенно узнает, что священнику есть куда спешить. Иногда он спешит соборовать, исповедовать и причащать умирающего, иногда – в отделение детской реанимации крестить новорожденного с трудно совместимым с жизнью диагнозом.

У него может быть то или иное епархиальное послушание, которое требует его присутствия в определенном месте и в определенное время, у него вообще может быть немало обязанностей и дел. А еще может быть язва, требующая питания строго по часам, или диабет, или ишемическая болезнь сердца, или гипертония, причем не всегда в преклонном возрасте. Это все, к сожалению, не редкость. Ну и семья еще может быть собственная и дети, которых надо забирать из школы. Или супруга в роддоме... И много еще всего такого.

Почему? Потому что он всего лишь навсегда человек.

И посему не стоит на него сердиться за «невнимание» и «неуловимость». Лучше проявить терпение вкупе с милосердием. Узнав, когда его можно застать в храме, не надо «набрасываться» на него сразу со всем, что накипело за долгие годы, правильной просто сказать:

– Мне хотелось бы с вами поговорить. Как и когда это удобнее сделать?..

Исповедь и беседа – разные вещи

Для ведущего нормальную церковную жизнь христианина, регулярно исповедующегося и причащающегося, встреча со священником проблемой, конечно, не является. Он регулярно видится с ним: подходя к Чаше, у аналоя с крестом и Евангелием. Но, как ни странно, сложности с общением все равно подчас возникают.

То, что у Чаши, во время причащения, поговорить с бабьюшкой не получится, дело понятное. А вот исповедь кажется для разговора временем вполне подходящим.

Ошибочно, конечно. И не только потому, что исповедников может быть много, а времени у священника мало. Бывает и так, что народу всего ничего и времени достаточно. Дело в другом: исповедь и беседу смешивать не стоит, слишком разные это вещи по самому характеру своему, по тому настрою, который необходим для первого и для второго. Лучше посту-

пить иначе. Сначала исповедоваться, дожидаться, когда будет прочитана разрешительная молитва. А уже потом спросить:

– Батюшка, у меня есть вопросы, могу ли я их сейчас задать?

Если обстоятельства позволяют, то и слава Богу. И очень хорошо, если хотя бы какая-то часть этих вопросов будет касаться предметов духовных: той же борьбы со страстями, чтения, молитвы. После исповеди, когда обнажились раны души, нужды конкретного человека, священнику гораздо проще будет дать ему правильный совет, верное наставление. (В связи с этим же нелишним будет, думаю, сказать о такой странности современной церковной жизни: то и дело приходится встречаться с людьми, которые исповедуются у одного священника или даже вообще у разных, а за советом и поговорить приходят к другому, у которого никогда не исповедовались. Это примерно то же, что, пройдя обследование в одной клинике и не забрав оттуда ни одной выписки, отправляться на консультацию в другую...)

Если же времени ответить на вопросы в этот момент нет, то надо договориться, как уже выше было сказано, на потом – на то время, когда будет удобно и священнику, и прихожанину.

* * *

...Я уверен: большинство из нас, пастырей, время для бе-

седы обязательно найдет. Очень многие из нас действительно серьезно относятся к тем, кто приходит к нам со своими духовными нуждами. Да и заинтересованность, если честно, тоже, разумеется, есть: так ведь хочется видеть плоды своего служения, хоть малые, хоть скромные самые... А их трудно увидеть, если не будет этих бесед, этого общения, этой совместной и единой, насколько возможно, со своей паствой жизни.

Сети «правил», «разрешений» и «запретов»

«Православие – религия запретов»... С таким мнением сталкиваться приходится то и дело: человеку внешнему, ничего не понимающему в церковной жизни, в христианстве как таковом, все представляется не чем иным, как совершенно неоправданными, иногда смешными, иногда неразумными, а иногда прямо-таки изуверскими запретами. Женщине **не следует** заходить в храм без платка и в брюках – смешно! Постом **запрещается** вкушение скоромной пищи – разве же это не глупость: вредно ведь! **Нельзя** вступать в брак столько раз, сколько хочется, **нельзя** изменять супругу или супруге, даже если полюбил кого-то другого, – изуверство ведь, надругательство над любовью!

И вот о чем не могу не сказать: как бы ни возмущалось мое сердце, когда я слышу подобные речи, я понимаю, отдаю себе отчет в том, что в них заключено рациональное зерно, по-своему они очень логичны и разумны. То есть в каком-то смысле я с ними согласен.

Нет, я не считаю, что традиции ничего не значат и можно ходить в храм в чем угодно – хоть в штанах, хоть в шортах, хоть вообще без штанов. И не думаю, что пост – пережиток, с которым следует скорее расстаться. И почему личная жизнь человека должна предполагать не только следование

за неожиданно возникающими импульсами и эмоциями, но и ответственность, и хранение целомудрия, я понимаю очень хорошо.

Но вот именно в этом-то все и дело: я понимаю, а они нет! И я знаю, почему не должен чего-то делать, а что-то, наоборот, должен, а они не знают, потому и удивляются, возмущаются, смеются. Мне ясен смысл заповеди, говорящей «не вкушай», а тем паче «не укради» и «не убий», я отдаю себе отчет, почему все это плохо. Это не только нехорошо по отношению к другим людям или ко мне самому, но, что гораздо важнее и страшнее, поступая вопреки заповеданному Богом, я становлюсь чужд Ему, оказываюсь перед пропастью, которая отделяет меня от Него, или стеной, заслонившей Его от меня.

И я совершенно не воспринимаю заповеди с частицей «не» в качестве запретов, как не воспринимаю подобным образом и другие такого же рода «не». Разве спортсмен не отказывается в период подготовки к очередным соревнованиям от вредной для него пищи, разве не подчиняет свою жизнь строгому распорядку, не становится до определенной степени аскетом? И делает он все это не потому, что тренер говорит ему: «Запрещаю!», а потому, что знает по опыту: если не придерживаться этих правил, то придешь к финишу позже всех, команду подведешь, схватку проиграешь. А если слушается первоначально тренера, подчиняется ему, то вышеуказанный опыт быстро приходит и все становится в его со-

знании на свои места. Запрет становится не запретом, а благом: возможностью, преимуществом, выгодой, даже хитростью, элементом мастерства, секретом успеха.

Апостолы Петр и Павел. Икона. Греция. XV в.

И если в спорте, который созидает по преимуществу тело

и в гораздо меньшей степени – душу, это так, то насколько же верно это в отношении упражнений духовных, а точнее – жизни духовной, христианской! *Все испытывайте, хорошего держитесь* (1 Фес. 5, 21) – это слово апостола Павла универсально, о чем бы речь вообще ни шла.

Беда, мне кажется, на самом деле не в том, что кто-то, не зная этой жизни, внимательно приглядываясь к ней или же вскользь посмотрев на нее, неправильно интерпретирует отдельные ее моменты. Переступив порог и войдя в Церковь, эти люди во всем смогут разобраться, научатся правильному пониманию христианства, забудут все эти «бессмысленные запреты» – точнее, не будут их больше так воспринимать. Смогут, научатся, забудут... Если только не окажутся, придя в Церковь, среди тех, кто, прожив в ней долгие годы, из детских пеленок так и не вырос, для кого в христианстве все по-прежнему делится на «можно» и «нельзя». Вот тогда-то и будет беда.

И мне кажется, что это едва ли не первый пастырский долг наш – учить людей жить в Церкви осознанно, разумно и ответственно. Не шарахаться между «накажут» и «наградят», а научиться познавать волю Божию, приобретать опыт, который позволит понять: поступая так, я ощущаю мир и сердечный покой, а действуя вопреки, я мира лишаюсь. И не пренебрегать, конечно же, наставлениями тех, кто прошел этим путем до нас и достиг вожденной цели – спасения. Я имею в виду святых отцов, оставивших нам свои слова и

писания, – у кого ж нам еще учиться жизни христианской, как не у тех, кто в ней очевидно преуспел!

Жизнь в Церкви – удивительна, парадоксальна, она не укладывается в наши привычные представления о том, что есть жизнь в принципе, у нее есть свои правила, но есть и то, что выше правил. Стоит формализовать ее – и ничего от нее не останется, стоит утратить свободу – и все в ней исказится.

Из жития преподобного Пахомия Великого мне буквально врезался в память такой эпизод. Преподобный заметил как-то, что на трапезе совершенно перестали подавать вареную или вообще более или менее питательную пищу. Он призвал к себе повара и расспросил его о причинах этого, и тот объяснил: «Братия наши такие подвижники, что нет нужды в готовке, достаточно воды, трав, зелий и сухарей». Пахомий не принял такого ответа. Он сказал, что повар лишил братьев возможности подвизаться (!), отняв у них выбор, и повелел, чтобы трапеза вновь стала достаточной, разнообразной, дабы те, у кого есть такая нужда, питали и подкрепляли должным образом свою плоть, а произволяющие – упражнялись в воздержании.

Иными словами, лишь тогда, когда есть свобода, выбор, есть и место для подвига. Оно есть тогда, когда человек знает, что может поступить так, а может иначе, и не люди, не Церковь, даже не Господь, но лишь он сам решает – как, руководствуясь тем же, чем и апостол: *Все мне позволительно, но не все полезно* (1 Кор. 6, 12). Только когда наши действия

не обусловлены ни страхом, ни «правилом», ни «разрешением», ни «запретом», а лишь стремлением быть со Христом, они могут быть Христу по-настоящему угодны. А иначе... Иначе, запутавшись в сетях этих самых «правил», «разрешений» и «запретов», можно прожить жизнь совершенно зря, подвизаться, но незаконно, неразумно, бесплодно и никакого венца не стяжать.

За искушение паче, нежели за утешение

Все, наверное, знают, какое непростое время – Страстная. Именно в эту пору горечь, еюже нас сопротивник напоевает², особенно горька, скорбь – особенно скорбна, боль – болезненна. Думаю, у каждого есть какой-то свой особый опыт подобных искушений – не исключительный, но личный. Что-то такое, что врезалось в память, прочно заняло в ней место и никогда не забудется...

В 1995 году, будучи еще мирским человеком, я отправился на Страстной седмице в Оптину пустынь. Не помню даже, как это получилось: в работе выдалось «окно», начальство отпустило, никакие препятствия не помешали. Для меня это вообще была первая Страстная, прожитая вполне сознательно от начала до конца, да еще и в монастыре.

Все было в целом как обычно: ранним холодным утром – короткий и радостный путь из Предтеченского скита в монастырь на полунощницу, служба, потом до вечера разные, не требующие особой квалификации и особых познаний послушания. Усталость, совсем не похожая на ту, что осталась дома, в Москве. Чувство, что вот-вот заснешь прямо на ходу. И – вечернее богослужение.

² Молитва по Каноне покаянном ко Господу нашему Иисусу Христу.

В первый раз я услышал там, как поется «Чертог»³. Наверняка и раньше слышал, но не так, а как-то иначе – так, что сердце не откликалось, не забывалось, не отступало все. Все, кроме одного ощущения, что ты и правда стоишь перед этим удивительным, прекрасно украшенным чертогом. Видишь его великолепии, его неизреченный свет... Но он не освещает тебя и ты не войдешь внутрь – у тебя нет сотканной из него одежды, и там, внутри, нечего тебе такому, обнаженному, делать. И такая боль... Все уже определено, взвешено, ясно: не войдешь! Хотя нет... Есть надежда. Надежда на то, что Сам Господь просветит одеяние души моей и так же Сам введет в этот чертог, спасет. Почему? Нипочему, просто, туне, по милости Своей, такой утешительной, такой непонятной, такой все преодолевающей.

И чувствовалось, как замираешь на этой грани, тонкой полоске, струнке между страхом и надеждой, отчаянием и упованием...

И не до сна уже было. И усталость больше не прижимала к земле. И дышалось так полно, так чисто, как никогда прежде – не грудью, не легкими, а чем-то еще.

Но вот наступила Великая Среда. А вместе с ней пришло какое-то странное, ни до ни после не переживавшееся в такой мере состояние. словно какая-то плита меня, душу мою, раздавила. Ощущение погибели. Точно на веки вечные опре-

³ «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны: просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя!»

делилась уже моя участь – погиб! Такой мрак, такая тяжесть навалилась... Ни просвета, ни утешения. Все напрасно, все бесполезно, все уже решено.

Я не думал так, я так чувствовал. И что-либо оценивать, анализировать был абсолютно не способен. Я все равно пошел на службу, потом побрел на послушания, с кем-то о чем-то говорил, но казалось, это все был не я. Мгла безнадежности окутала меня, а вместе со мной и всех близких и дорогих для меня людей, которых, конечно, не было рядом, но за которых я и там молился... Точно и они, как и я, заодно со мной все погибли.

Никакие мысли – о любви Божией, о том, что пока человек находится в этом мире, он не должен терять надежды, о том, что это враг так утесняет и омрачает душу, – не то чтобы не имели силы... Их просто не было.

Это было чрезвычайно сильное переживание оставленное™, обреченности. Не решусь сейчас сказать «ада», но тогда, пожалуй, именно так бы это и выразил.

И длилось это весь день.

А вечером, в скиту, все, кто готовился причащаться наутро, собрались читать правило – не вместе, каждый сам по себе, но в одно и то же время. Молился, если можно так это назвать, и я. Вопреки состоянию, вопреки ощущению, вопреки даже самому себе.

А потом пошел попить из колодца, что в скиту, воды. И тут со мной заговорил один из давно живших там трудников,

Кирилл. О чем – даже не помню, ни о чем особенном. Просто. Но так тепло и сердечно, что казалось, будто он понимал, что со мной. И стало легче. Немного. Так что удалось заснуть.

Утром – все тот же мрак, тяжесть, совершенно невыносимые. Исповедь, какая-то невнятная, будто через вату. Литургия. Единственное, что удалось тогда услышать и на чем остановиться, – слова из проповеди по запричастном стихе, о том, какова любовь Божия, но какова и ревность...

Причастие. И вдруг – опять без мыслей, без рассуждения – такая радость! Мир изменился, ожил, весь осветился ярким, по-весеннему праздничным солнцем, и вместе с ним – я. Хотелось обнять, прижать к сердцу каждого человека в храме, с каждым поделиться этим захватившим душу весельем. Я не ждал этой перемены, не рассчитывал на нее. Вообще ни на что не рассчитывал. И тем более чудесной она была.

Я уезжал в тот день в Москву. Добирался от Козельска на перекладных. Физически должен был вымотаться. Но нет, усталости не было. И радость, и ощущение того, что светит ласковое солнце и я купаюсь в его лучах, не пропадали, хотя наступал уже вечер...

Многое потом изменилось, после этого Четверга. Пришло понимание того, какой лютой может быть эта брань – утраты надежды, отчаяния. И как важно ее просто пережить, перетерпеть, продолжая делать все то, что должно. И как в одно

мгновение может Господь все изменить – и изменит. И как может утешить – и утешит, если не побежишь, конечно, искать утешений других – бесполезных, пустых.

Оно, то искушение Страстной седмицы, и правда было очень тяжким – словами этого никак не передашь. Они вообще очень несовершенны, а когда нужно говорить о скорби или о радости – особенно. Но я за него очень благодарен и по сию пору Богу. Даже больше, чем за утешение...

Опыт последнего напутствия

.. Мне сказали, что у свечного ящика меня спрашивает какой-то человек. Я подошел, увидел перед собой интеллигентного мужчину лет сорока пяти – пятидесяти. Он сказал, что в соседней с ним квартире умирает одинокая старушка, а приехавшие к ней родственники почему-то никак не решатся дойти до церкви и пригласить батюшку, вот он и решил сделать это за них. Оказалось, что агония длится уже очень долго, но бедная женщина никак не может умереть, очень мучается, потому и подумал мой собеседник, что если и не удастся ее исповедовать и причастить, поскольку находится она в полубеспамятстве, то, по крайней мере, хорошо было бы пособоровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.